

СТИХ МОНАХА ЛЕТАЛЬДА О НЕКОМ РЫБАКЕ,
КОТОРОГО ПРОГЛОТИЛ КИТ¹

- Если б Пиндарова лира мне звучность свою уделила,
Если б помог мне Орфей вдохновенной кифарой своей,
Что заставляет стремнины течь от устья к скалистым вершинам
И побуждает леса хороводом ходить вкруг певца,
5 Я б и тогда в затрудненье оказался пред этим твореньем,
Коего замысел, каюсь, воплотить неумело пытаюсь.
Вот что мне старец почтенный рассказал, сединой убеленный
(Дарит молва ему имя, величая “устаи златыи”).
Остров есть в море студеном, называли его Альбионом,
10 Времени бег неустанный сообщил ему имя Британии.
Племя его населяет, что усталости в битвах не знает.
Теплые лето и осень урожай изобильный приносят.
Люди лицом белокожи, как воины Неба, пригожи.
Пастырь великий, Григорий, научил вторить ангельским хорам
15 Тех, кто вели свои речи на варварском грубом наречье.
Песнью деянье восславим, по правилам песню составим.
Витин — героя прозванье, к рыболовству имел он призванье.
Реку и море, бывалый, бороздил он на лодочке малой.
И никакие невзгоды, ни морские, ни пресные воды
20 Не могли рыбаку помешать рыбы полную сеть выбирать.
Только лишь ложе Тифона покинет золотая Аврора²,
Витин в просторы морские уплывает, влекомый стихией.
Сумку в дорогу собрал он, и трут, и огниво с кресалом.
Часто нужда в них бывает у тех, кто костер разжигает.
25 Поясом стан он украсил, острый нож сбоку в ножнах подвесил,
Все приготовил, чтоб в море уйти без заботы и горя.
Якорь, который средь волн должен прочно удерживать челн,
Поднят; дощатый настил корабельный канат укрепил.
Хлеб приготовлен в мешке, и вода ключевая в горшке,
30 Пресная чтобы вода освежала в рыбацких трудах.
Витин один отплывает, жизнь коварным пучинам вверяет³.

Лодка идет от земли, вот и берег остался вдали⁴.
 Он средь соленых зыбей управляется с лодкой своей,
 Рыбу ловкою тянет рукой, где сетью, где тонкой удой,
 35 Если ж Зефира дыханье не рождает воды колыханья,
 Бросивши якорь, в покое наслаждается ширью морскою.
 Водная гладь расступилась, и чудовище вдруг появилось.
 Кажется чудо морское Харибде и Сцилле роднею⁵,
 Страшно глазами моргает, преогромную пасть разевает;
 40 И через пасть этой рыбы прямо в Тартар попасть вы смогли бы.
 Чтобы избегнуть напасти, Витин быстренько вытянул снасти,
 Лодочку утлую тщится повернуть, чтоб домой воротиться.
 Ужас лишил его силы, дыхание перехватило,
 И, неподвижен, несчастный оказался пред рыбой ужасной.
 45 Чудище, страшно ярясь, раскрыло огромную пасть,
 Лодочку вместе с Витином чрево кита поглотило.
 Так, утомившись от зноя, путник июльской порою
 Жажду умерить стремится, спешит из колодца напиться.
 Витин под темные своды всплывает, лишенный свободы,
 50 Весла лежат без движенья, парус повис в небреженье.
 Звезды, друзья морехода, не светят в ночи безысходной,
 Но лодочку бурные волны несут вперед неуклонно.
 Витин, какие гнетут тебя мысли во чреве зверином?
 Милые дети твои в ожиданье стремятся на берег,
 55 Чрез освященный порог преступая Господнего храма,
 Молит супруга твоя, чтоб ты счастливо с ловли вернулся.
 Ты оказался один в неожиданной этой напасти.
 С духом один собирайся и на действия быстро решайся.
 Смелому все удается, коль счастье ему улыбнется.
 60 Верная в горе подмога — возносить свои помыслы к Богу.
 Витин в китовом томится брюхе, подобном темнице.
 Бьет по огниву кресалом — искра во тьме заблистала⁶.
 Тут же он трут подставляет — темницу огонь освещает;
 Видно и в море глубоком может выжить рыбак одинокий.
 65 Сталь, что в ножнах висела, немедленно пущена в дело.
 Весла изрезав на части, пустивши на топливо снасти,
 Лодку саму разрубает и яркий огонь зажигает⁷.
 Легкая лодка сгорает, дымный облак вверх посылает,

Но от костистого свода он спускается к Витину снова,
 70 Наполняет китову утробу, долго ищет наружу дорогу⁸,
 Наконец, через пасть вылетает и в воздухе струями тает.
 Рыкает фурия злобно, огнедышащей Этне подобна,
 Серой зловонною пышет и на небо копотью дышит.
 Внутренность пламя терзает, Эвменида покоя не знает,
 75 Мечется в волнах соленых, оглашая окрестности стоном.
 Негде бедняжке сокрыться, ибо враг ее в ней же гнездится.
 То на поверхности моря ищет, как бы избить это горе,
 То в глубину погружается, там от мук излечиться пытается.
 Только лишь множат мученье безумные рыбы движенья.
 80 Гость, проглоченный ранее, прибавляет несчастной страдания.
 Витин прыгнуть не поленился к закопченному своду темницы,
 Битвы кинжал его просит, в бок он рыбе удары наносит,
 Дальше этих ударов череда принесла еще больше вреда:
 Легкие сталь рассекает и желудок на части кромсает.
 85 С сердцем и печенью тоже расправился Витин похоже⁹.
 Хочет он ребра крутые сокрушить, как скорлупки пустые,
 Чтобы моря карающий вал сквозь пролом внутрь кита проникал.
 И в ответ на жестокий удар так высокий чертог застонал¹⁰,
 Что достиг этот возглас предсмертный звезд, сиявших на тверди небесной.
 90 Так вкусившего пища убила, так обжору еда погубила.
 Жертва охотником стала — что еще на земле не бывало.
 Кровью гость обогранный и сил совершенно лишенный
 Остался в своем заточеньи, продолжая свои злоключенья.
 Снова кресалом ударил — и на вертеле ужин поджарил,
 95 Плотию плоть подкрепляя, рыбой себя угощая.
 Витин пять дней и четыре ночи в темной томится пещере.
 Солнце, что мир освещает, ныне новый свой круг совершает.
 Хоть в мрачных пучинах морских на удачу надежд никаких,
 Храбрый рыбак не сдаётся, он с судьбой за спасение бьётся.
 100 Резвые волны на берег выносят тем временем зверя¹¹,
 Мертвого, схлынув, бросают и на желтом песке оставляют.
 Близ Ровикастрийского града оказалась китовья громада,
 Близ места, где Витин родился и где он рыбачить учился.
 Быстро сошлись горожане, дар морей осмотреть пожелали.
 105 Явились и стар, и млад, мечи и секиры блестят.

Лестницы вмиг приставляют, на спину кита залезают.
 Каждый о ближних хлопочет, отнести часть добычи им хочет.
 И закипела работа, сталь удары наносит без счета.
 Соседу сосед помогает, дружный шум берега оглашает¹²
 110 И в самые недра китовы вот-вот проникнуть готовы,
 Не зная, что там, как в темнице, их сородич плененный томится.
 Витин в своем заключенье топоров ощутил приближенье,
 Понял, что Богом хранимый, он на берег вернулся родимый,
 Обратился к согражданам с речью: “Эй, собратья, рубите полегче¹³,
 115 В чреве зверя — чего не бывает! — злострадальный рыбак пребывает”.
 Дрожь горожан сотрясает, секиры из рук выпадают,
 Голос, от ужаса севший, не рвется из уст побелевших¹⁴.
 В бегство толпой обратились, бежать без оглядки пустились,
 Друг друга перегоняют, несутся, лишь пятки сверкают.
 120 Их безыскусный рассказ весь город немедля потряс¹⁵.
 Мигом сбегаются жены, прихвативши свои веретена,
 Мчит любопытная младость, поспешает согбенная старость,
 Совсем позабыты заботы, людям новость услышать охота.
 Вести такие услышав, в собор устремился епископ,
 125 Клир пригласил на служенье, чтоб умерить народа смятенье,
 И в обращенье к народу объяснил он событий природу,
 Всех он Богу молиться призвал, чтобы город беды избежал,
 Чтоб горожан благочестье не несло никакого бесчестья,
 Чтобы духа нечистого ярость в проклятиях не изливалась:
 130 “Моря коварного вал нам чудовище это прислал,
 Гибелью голос грозит, что из рыбьего брюха звучит”.
 Благочестивых мужей¹⁶ в пастве выбрал епископ своей,
 С ними на берег морской он пошел со святою водой
 И с образами святыми, призывая Иисусово Имя,
 135 Чтобы, не сделав вреда, дух нечистый ушел навсегда.
 Шествуют знатные таны, во главе копыеносной дружины¹⁷,
 И со скоростью молнии любопытными берег заполнен.
 Лестницы к ребрам китовым приставляют, держа наготове
 Воду святую, чтоб всюду хорошенько полить эту грудю.
 140 И говорят: “Слушай, бес, если ты в эту тушу залез,
 Имя свое называй, в чем провинность твоя, не скрывай,
 Пред образами святых не должно быть неправ никаких,

Ну же, во Имя Святое, дай ответ нам, что ты есть такое”.
 “Витин я, — голос сказал, — тот, кто в море недавно пропал.
 145 Злая сия Эвменида, как рыбешку, меня проглотила¹⁸.
 Что же вы медлите, люди, помогите мне выйти отсюда,
 Белый свет я хотел бы узреть, на родные поля посмотреть”.
 Мужество к англам вернулось, уstraшенные души очнулись,
 Принялись бодро за дело, утомляя работой железо¹⁹.
 150 Снова шумом брега оглашают, и секиры на солнце сверкают.
 Части китовьего тела на кровавый песок полетели.
 Епископу лучшую долю, как дар замечательный, дали,
 Клирики мясо китово унесли, чтоб к обеду готовить.
 Право народ получает на добычу, ее разделяет,
 155 Нагрузивши корзины пустые, все вернулись в пенаты родные.
 Витин наружу явился²⁰ весь облик его изменился²¹;
 Так же, как в зимнюю стужу потеряв свои перышки, тужит
 Горлица в пору цветенья; как орлы красоту оперенья
 Вместе с дряхлостью плоти теряют, возвращенную юность встречают.
 160 Вот что с орлом приключается: одеянья он вовсе лишается,
 Глаз орла, что на солнце взирает, непроглядная тьма покрывает,
 Когти и загнутый клюв опадают, как листья с дерев,
 Голод несчастного гложет, ибо пищу добыть он не может.
 Витин, вернувшись из бездны, как орлы, изменился, болезный:
 165 Выпали в чреве зверином волосы все до единого,
 Ключьями кожа отстала, ногтей обожженных не стало.
 Витина очи открылись, но мгла перед ними сгустилась,
 Зренье, привыкшее к ночи, приспособиться к свету не хочет.
 Он, поражен слепотою, не узнал побережье родное.
 170 Родичей, что прибежали на берег, глаза не видали,
 По голосу или на ощупь узнать их ему было проще.
 Пленник соленой темницы, как воскресший мертвец из гробницы,
 В город стремится родной, окруженный гудящей толпой.
 Почесть ему оказать бедняки подбегают и зная,
 175 По узеньким улицам города, как король, Витин шествует гордо.
 Сам епископ навстречу выходит, тут же клир многолетье заводит,
 Знать окружает стеною, народ напирает волною,
 Многие дивного дела подробности знать бы хотели,
 Сыплются градом вопросы, рыбака утомляют допросом.

- 180 Весть о спасенье Витина достигла его половины,
 К берегу женщина мчится, как быстрокрылая птица,
 Дети за нею вприпрыжку, оставивши дом нараспашку.
 Долго им нужно бежать, ибо домик от моря далёко,
 Витин меж тем горожан, как Иона второй, просвещает,
 185 Им повествуя о том, как из чрева китова он спасся.
 Прямо на берег жена прибежала с тревогой на сердце,
 Мечется меж кораблей, что ладьями народ называет;
 Так черно-белой стрелой резвокрылая ласточка в небе²²
 Синем летит высоко, озирая селенья и воды,
 190 Воздух шумящий крылом рассекает, щебечущим детям
 Корм собирает, круги в поднебесных просторах рисуя.
 Так и жена рыбака меж ладьями высокими кружит,
 Мужа, рыдая, зовет, и земля откликается стоном,
 Крики ее подхватив, отвечает сочувственно эхо,
 195 “Витин”, — зовут берега, восклицая с несчастною: “Витин”²³.
 Женщина, в город придя, обратилась с расспросами к людям;
 На мужа толпа указала, но мужа она не узнала:
 Некто пред ней безобразный, покрытый коростой и грязный,
 Нет ни ресниц, ни бровей, ни белокурых кудрей,
 200 Прежним лишь голос остался, изменениям он не поддался.
 Мужа услышавши голос, женщина вмиг успокоилась,
 Витина тут же признала, вокруг мужа захопотала,
 Шею обвивши руками, плешь поливая слезами.
 Витин домой воротился, под крышей родной очутился,
 205 Добычей богатой снабженный, дорогими дарами почтённый.
 После же многие лета Витин здравствовал в городе этом,
 Прежняя внешность вернулась, и удача в делах улыбнулась.
 Кончается стих о Витине.

1 Текст поэмы переведен по изд.: *Letaldo di Micy. Within piscator / A cura di F. Bertini. Firenze, 1995*. Цитаты из произведений Вергилия, выстраивающиеся в параллельный поэме Летальда текст, приводятся по изд.: *Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 2007*.

- 2 Ср. две цитаты из “Энеиды”:
 Энеида, кн. 4, 584–588.
 Чуть лишь Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
 585 Зарево первых лучей пролила на земные просторы,
 С башни высокой дворца в сиянье первом рассвета
 Ровный строй парусов уплывающих видит царица,
 Видит: пусты берега и гребцы покинули гавань.
 Энеида, кн. 9, 459–464.
 Вот и Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
 460 Зарево первых лучей пролила на земные просторы,
 Солнце зажглось, от темных пелен весь мир избавляя.
 В битву с утра снаряжен, вождей поднимает на битву
 Турн, и каждый из них собирает строй меднобронный,
 Гнев зажигает в сердцах о ночном побойще вестью.
 3 Энеида, кн. 5, 210–217.
 210 Силы Мнесфею придал успех неожиданный: помчали
 Быстрые весла корабль и ветер, внявший молитве.
 Выйдя на вольный простор, по волнам благосклонным летит он.
 Так, если выгонит страх из пещеры глубокой голубку
 (Вьет гнездо и выводит птенцов она в полых утесах),
 215 Выпорхнув, плещет она над пашней крыльями громко,
 Мчится над домом своим — а потом в безмятежном эфире,
 Не шелохнувши крылом, скользит спокойно и плавно.
 4 Энеида, кн. 3, 69–72.
 Чуть лишь ввериться вновь волнам смогли мы, и в море
 70 Ветры открыли нам путь, и Австр призвал нас в просторы,
 На воду снова спустив корабли, собрались троянцы.
 Гавань покинув, плывем; отступают селенья и берег.
 5 Энеида, кн. 3, 420–428.
 420 Справа Сцилла тебя там ждет, а слева — Харибда:
 Трижды за день она поглощает бурные воды,
 Море вбирая в провал бездонной утробы, и трижды
 Их извергает назад и звезды струями хлещет.
 Сцилла в кромешной тьме огромной пещеры таится,
 425 Высунув голову в щель, корабли влечет на утесы.
 Сверху — дева она лицом и грудью прекрасной,
 Снизу — тело у ней морской чудовищной рыбы,
 Волчий мохнатый живот и хвост огромный дельфина.

- 6 Энеида, кн. 1, 170–176.
 170 Семь собрав кораблей из всего их множества, в эту
 Бухту входит Эней; стосковавшись по суше, троянцы
 На берег мчатся скорей, на песок желанный ложатся,
 Вольно раскинув тела, увлажненные солью морскою.
 Тотчас Ахат из кремня высекает яркую искру,
 175 Листья сухие огонь подхватили, обильную пищу
 Дали сучья ему — от огнива вспыхнуло пламя.
- Энеида, кн. 1, 198–201; 207.
 “О друзья! Нам случилось с бедой и раньше встречаться!
 Самое тяжелое все позади: и нашим мученьям
 200 Бог положит предел; вы узнали Сциллы свирепость,
 Между грохочущих скал проплыв...
 Ныне крепитесь, друзья, и для счастья себя берегите!”
- 7 Георгики, кн. 4, 385–386.
 Трижды пламя взвилось, полая, под самые своды.
 Знаменьем этим свой дух укрепив, приступила Кирена...
- 8 Энеида, кн. 12, 591–592.
 Едкий запах меж тем по проходам течет, и гуденье
 Слышится в полой скале, и дым подымается к небу.
- 9 Энеида, кн. 1, 210–212.
 210 Спутники тут за добычу взялись, о пире заботясь:
 Мясо срывают с костей, взрезают утробу, и туши
 Рубят в куски, и дрожащую плоть вертелами пронзают...
- 10 Георгики, кн. 2, 462–463.
 Пусть из кичливых сеней высокого дома не хлынет
 К ним в покои волна желателей доброго утра...
- Энеида, кн. 10, 100–103.
 100 Тут всемогущий Отец, верховный мира владыка,
 Начал, и, внемля ему, небожители смолкли в чертоге,
 В страхе глубины земли и выси небесные смолкли,
 Стихли Зефиры, и зыбь улеглась на море безбурном.
- Энеида, кн. 12, 535–547.
 535 С криком неистовым Гилл напал на Турна, но рутул
 Пикой встретил врага и в висок золоченый ударил:
 Шлем пробило копье и в мозгу пронзенном застряло.
 Мощь руки, о Крефей, между греков храбрейший, от Турна

- Не охранила тебя, и тебя, Купенк, от Энея
 540 Боги твои не спасли: под удар налетевшего тевкра
 Грудь ты подставил, и щит не сберег злосчастного медный.
 Пашни Лаврента в тот день и тебя, Эол, увидали,
 Как ты навзничь упал и простерся, руки раскинув,
 Ты, кого не могли погубить ни фаланги аргиев,
 545 Ни великий Ахилл, разрушитель Приамова царства.
 Здесь ожидал тебя смерти предел: был дом твой под Идой,
 Был в Лирнесе твой дом, а могила — в полях под Лаврентом.
- 11 Энеида, кн. 1, 84–86.
 На море вместе напав, до глубокого дна возмущают
 85 Воды Эвр, и Нот, и обильные бури несущий
 Африк, вздувая валы и на берег бешено мча их.
- 12 Энеида, кн. 5, 450–460.
 450 Тевкры с мест поднялись, тринакрийцы вскочили в тревоге.
 Крик полетел к небесам. Подбежал к ровеснику первым
 Старый Акест и друга с земли заботливо поднял.
 Но от паденья герой не утратил отваги и пыла:
 Снова рвется он в бой, возрастают силы от гнева,
 455 Силы и стыд придает, и вера в прежнюю доблесть.
 Вот, на Дарета напав, по всему его гонит он полоу,
 Правой рукой наносит удар и тотчас же левой,
 Не отпускает врага ни на миг. Как частый на кровли
 С грохотом рушится град — так удары справа и слева
 460 Сыплет и сыплет Энтелл, оглушает и гонит Дарета.
- 13 Энеида, кн. 12, 690–696.
 690 Рутул несется к стенам, туда, где от пролитой крови
 Влажной стала земля, где свищут в воздухе копыя.
 Знаки рукой подает он друзьям и громко взывает:
 “Рутулы, стойте! И вы удержите, латиняне, копыя!
 Что ни готовит судьба — все мое! Договор оскверненный
 695 Мне за всех искупать, мне решать эту тяжбу оружием”.
 Все расступились бойцы, посредине очистив пространство.
- 14 Энеида, кн. 2, 114–121.
 Мы, не зная, как быть, Эврипила тогда посылаем
 115 Феба оракул спросить, — но печальный ответ он приносит:
 “Кровью ветры смирить, заклав невинную деву,
 Вам, данайцы, пришлось, когда плыли вы к берегу Трои, —
 Кровью должны вы снискать возврат и в жертву бессмертным

- Душу аргосца принести". И едва мы ответ услышали,
120 Трепет холодный прошел по костям и замерло сердце:
Кто судьбой обречен, кого Аполлон избирает?
- Энеида, кн. 12, 447–448.
Видят противника вновь авзонийцы — и трепет холодный
Их пронизал до мозга костей.
- 15 Энеида, кн. 12, 593–594.
Новое горе тогда истомленных постигло латинян,
До основания Лаврент потрясло оно скорбью неожиданной.
- 16 Энеида, кн. 6, 403–404.
Видишь: троянец Эней, благочестьем и мужеством славный,
К теням Эреба сошел, чтобы вновь родителя встретить.
- 17 Энеида, кн. 4, 129–142.
Встала Аврора меж тем, Океана лоно покинув,
130 С первым лучом из ворот отборный отряд выезжает,
Сети, тенета у всех и с широкими жалами пики,
Мчат массилийцы верхом и прыгает чуткая свора.
Медлит в покоях своих царица; ее на пороге
Знать пунийская ждет; в пурпурной с золотом сбруе
135 Конь звонконогий грызет удила, увлажненные пеной.
Вот в окруженье толпы сама царица выходит:
Плащ сидонский на ней с расписною каймой; за плечами —
Звонкий колчан золотой, в волосах золотая повязка,
Платья пурпурного край золотою сколот застежкой.
140 Следом фригийцы идут, средь них ликует Асканий;
Сам Эней впереди, смыкая оба отряда,
Шествует, спутников всех красотой лица затмевая...
- Энеида, кн. 1, 496–497.
К храму царица сама, прекрасная видом Дидона,
Шла, многолюдной толпой окруженная юношей тирских.
- 18 Энеида, кн. 6, 424–429.
Сторож уснул, и Эней поспешил по дороге свободной
425 Прочь от реки, по которой никто назад не вернулся.
Тут же у первых дверей он плач протяжный услышал:
Горько плакали здесь младенцев души, которых
От материнской груди на рассвете сладостной жизни
Рок печальный унес во мрак могилы до срока.
- 19 Энеида, кн. 7, 582–585.
Их сыновья, собравшись толпой, к Маворсу взывают.
Знаменьям всем вопреки, вопреки велениям рока,
Требуют люди войны, извращая волю всевышних.
585 Царский дворец окружив, как на приступ, латиняне рвутся...
- 20 Георгики, кн. 4, 485.
И уж на воздух земной возвращенная шла Эвридика...
- 21 Энеида, кн. 2, 270–279.
270 В этот час мне явился во сне опечаленный Гектор:
Слезы обильно он лил и, как в день, когда влек его тело
За колесницей Ахилл, был черен от крови и пыли;
Мертвые вспухли стопы от ремней, сквозь раны продетых, —
275 Горе! Как жалок на вид и как на того не похож был
Гектора он, что из битвы пришел в доспехах Ахилла
Или фригийский огонь на суда данайские бросил!
Грязь в бороде у него, и от крови волосы слиплись,
В ранах вся грудь, — ибо множество ран получил он у отчих
Стен.
- 22 Энеида, кн. 12, 468–480.
Ужас душу потряс Ютурне, деве отважной.
Сильным ударом она Метиска, Турна возницу,
470 Сбросила прочь с передка, и лежать в пыли он остался,
Нимфа же в руки сама взяла волнистые вожжи,
Голосом, ростом, лицом и оружием подобна Метиску.
Ласточка вьется порой по дому богатого мужа,
В атрий высокий впорхнув, и на черных крыльях кружится,
475 И, для крикливых птенцов собирая скудную пищу,
То по просторным сениям, то над самой водою мелькает;
Ласточке этой под стать, летит меж врагами Ютурна,
Быстрых коней торопя, колесницу по полю гонит,
Дальше спешит без дорог, чтоб и там и здесь показался
480 Радостный Турн, но нигде не успел завязать поединок.
- 23 Буколики, 6, 44.
Звали его моряки, "Гилл! Гилл!", — неслоь побережьем.

Перевод и комментарий М.Р. Ненароковой